

АЛЛЕНЕ ДЕ РИБЕМОН (ALLENET DE RIBEMONT) против ФРАНЦИИ

Судебное решение от 10 февраля 1995 г.

КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

А. Основные факты

24 декабря 1976 г. был убит г-н Жан де Брольи, депутат Парламента и бывший министр. Это произошло рядом с домом, где жил заявитель. В этом же доме проживал финансовый советник г-н Пьер де Варга, вместе с которым заявитель намеревался стать собственником известного парижского ресторана “Харчевня Королевы Гусиные лапки”. Это приобретение стало возможным благодаря займу, предоставленному им жертвой убийства. Г-н де Рибемон в момент убийства направлялся к финансовому советнику. Министр внутренних дел Франции г-н Мишель Понятовски совместно с директором Отдела расследований г-ном Жаном Дюкре и директором Уголовной полиции г-ном Пьером Оттавиоли провели 29 декабря 1976 г. пресс-конференцию, на которой министр упомянул имя г-на де Рибемона, назвав его соучастником преступления. Г-н де Рибемон был взят под стражу, и 14 января 1977 г. ему было предъявлено официальное обвинение в преднамеренном убийстве. Однако 1 марта 1977 г. он был выпущен на свободу, а 21 марта 1980 г. дело против него было прекращено.

Заявитель счел, что он был неправомерно публично обвинен министром внутренних дел в совершении преступления и обратился к премьер-министру с требованием возмещения материального и морального ущерба, ссылаясь при этом на телепередачу и статьи в газетах о пресс-конференции 29 декабря 1976 г. Обращение было безуспешным.

Заявитель обратился с жалобой в административный суд (20 сентября 1977 г.), а в последующем — в общий суд (29 февраля 1984 г.). После процессуальных проволочек в течение пяти лет и восьми месяцев административные суды (Парижский административный суд и Государственный совет) пришли к выводу, что они не правомочны рассматривать его дело. Общие суды (Суд большой инстанции Парижа, Апелляционный суд Парижа и Кассационный суд) 30 ноября 1988 г. после процессуальных проволочек в течение четырех лет и девяти месяцев в конечном итоге отказали ему в удовлетворении иска за недостаточностью доказательств.

В. Разбирательство в Комиссии по правам человека

Заявитель обратился с жалобой в Комиссию 24 мая 1989 г.; 8 февраля 1993 г. она было объявлена приемлемой.

В своем докладе от 12 октября 1993 г. Комиссия установила факты и единогласно пришла к выводу, что имело место нарушение статьи 6 п. 1, 2. 21 января 1994 г. дело было передано в Суд.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. О предполагаемом нарушении статьи 6 п. 2 Конвенции

31. Г-н Аллене де Рибемон принес жалобу на высказывания, сделанные 29 декабря 1976 г. в ходе пресс-конференции министром внутренних дел и сопровождавшими его высокопоставленными сотрудниками полиции. Он ссылается на статью 6 п. 2 Конвенции, которая гласит:

“Каждый человек, обвиняемый в совершении уголовного преступления, считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком”.

A. О применимости статьи 6 п. 2

32. Правительство по существу оспаривает возможность применения статьи 6 п. 2, ссылаясь на решение по делу *Минелли против Швейцарии* от 25 марта 1983 г. (Серия А, т. 62). По его мнению, нарушение презумпции невиновности может исходить только от судебной власти и проявиться только по окончании разбирательства в случае осуждения обвиняемого, если мотивы, приведенные судьей, позволяют предположить, что он *a priori* считал его виновным.

33. Комиссия допускает, что принцип презумпции невиновности — прежде всего гарантия процессуального характера по уголовным делам, но сфера применения этого принципа значительно шире: он обязателен не только для уголовного суда, который решает вопрос об обоснованности обвинения, но и для всех остальных органов государства.

34. Задача Суда состоит в том, чтобы определить, затрагивала ли ситуация, сложившаяся в данном деле, те права, которые предоставляет заявителю статья 6 п. 2 (см. *mutatis mutandis* решение по делу *Секанина против Австрии* от 25 августа 1993 г. Серия А, т. 266-А, с. 13, п. 22).

35. Презумпция невиновности, закрепленная в п. 2 статьи 6, является одним из элементов справедливого судебного разбирательства, о котором говорит п. 1 той же статьи (см., в частности, решение по делу *Девеер против Бельгии* от 27 февраля 1980 г. Серия А, т. 35, с. 30, п. 56, и решение по вышеупомянутому делу *Минелли*, с. 15, п. 27). Этот принцип нарушается, если суд объявит обвиняемого виновным, в то время как его виновность не была предварительно доказана. Если отсутствуют формальные подтверждения этого, достаточно, чтобы мотивация судьи давала основания полагать, что он предполагал обвиняемого виновным (см. вышеупомянутое дело *Минелли*, с. 18, п. 37).

Однако сфера применения статьи 6 п. 2 не ограничивается ситуацией, о которой говорит Правительство. Действительно, Суд констатировал нарушение принципа в вышеупомянутых делах *Минелли* и *Секанина*; нацио-

нальные суды, рассматривавшие эти дела, прекратили их в связи с истечением срока давности в первом случае и в связи с оправданием подсудимого — во втором. Кроме того, Суд установил, что эта статья применима и к ряду других дел, когда национальные суды не выносили решения о виновности (см. решения по делу *Адольф против Австрии* от 26 марта 1982 г. Серия А, т. 49, и делу *Лутц против Федеративной Республики Германии* от 25 августа 1987 г. Серия А, т. 123-А, 123-В и 123-С).

Кроме того, Суд напоминает, что Конвенция должна толковаться так, чтобы гарантировать конкретные и реальные, а не иллюзорные и теоретические права (см. помимо прочих решения по делу *Артико против Италии* от 13 мая 1980 г. Серия А, т. 37, с. 16, п. 33, делу *Сёринг против Соединенного Королевства* от 7 июля 1989 г. Серия А, т. 161, с. 34, п. 87, и делу *Круз Варас и другие*. Серия А, т. 201, с. 36, п. 99). Это касается и права, закрепленного в статье 6 п. 2.

36. Суд считает, что посягательство на презумпцию невиновности может исходить не только от судьи или от суда, но и от других публичных властей.

37. 29 декабря 1976 г., в то время, когда проходила пресс-конференция, г-н Аллене де Рибемон был задержан полицией. Хотя его тогда еще не обвиняли в соучастии в преднамеренном убийстве (см. п. 12 выше), его задержание и содержание под стражей вписывались в рамки начатых за несколько дней до того судебным следователем предварительных следственных действий, что позволяло рассматривать его в качестве «обвиняемого» в смысле статьи 6 п. 2. Обоим высокопоставленным сотрудникам полиции как раз и было поручено вести расследование. Их высказывания на пресс-конференции, поддержанные министром внутренних дел, объясняются тем, что по делу уже велось расследование, и напрямую связаны с ним. Следовательно, в данном случае статья 6 п. 2 применима к данному делу.

В. О соблюдении статьи 6 п. 2

1. Ссылка на дело в ходе пресс-конференции

38. Свобода выражения своего мнения, гарантируемая статьей 10 Конвенции, распространяется и на свободу получения и распространения информации. Следовательно, статья 6 п. 2 не может препятствовать властям информировать общественность о ведущихся уголовных расследованиях, но она требует, чтобы власти делали это сдержанно и деликатно, как того требует уважение презумпции невиновности.

2. Содержание обжалуемых высказываний

39. Как и заявитель, Комиссия считает, что высказывания министра внутренних дел и сделанные в его присутствии заявления подчиненного ему комиссара, ведущего следствие, и директора департамента уголовной полиции несовместимы с принципом презумпции невиновности. Действительно, Комиссия отмечает, что в них г-н Аллене де Рибемон был представлен как один из подстрекателей к убийству г-на де Брольи.

40. По мнению Правительства, такие заявления относятся к числу информационных сообщений об уголовных расследованиях; они не могут наносить ущерба презумпции невиновности, поскольку они не связывают судей и могут быть опровергнуты в ходе дальнейшего расследования. Факты дела иллюстрируют это утверждение, т. к. обвинение было предъявлено заявителю лишь через две недели после пресс-конференции, а затем дело против него было прекращено за отсутствием состава преступления.

41. Суд отмечает, что в данном случае некоторые из наиболее высокопоставленных сотрудников французской полиции назвали г-на Аллене де Рибемона без каких-либо оговорок одним из подстрекателей, т. е. соучастником убийства (см. п. 11 выше). Здесь явно налицо заявление о виновности, которое, с одной стороны, побуждало общественность поверить в нее, а с другой — предвзяло оценку фактов дела компетентными судьями. Следовательно, нарушение статьи 6 п. 2 имело место.

II. О предполагаемом нарушении статьи 6 п. 1 Конвенции

42. Г-н Аллене де Рибемон также жалуется на затяжку разбирательства дел по возмещению ущерба, которые он возбудил сначала в административных, а затем и в общих судах. Он ссылается на статью 6 п. 1, которая гласит:

“Каждый человек имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей... на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок... судом...”

43. Применимость статьи 6 п. 1 споров не вызывала. Как и Комиссия, Суд отмечает, что данные дела касались исков по возмещению ущерба, нанесенного посягательствами на честь и достоинство, которые, по словам заявителя, ему пришлось выдерживать в связи с оспариваемыми заявлениями. Следовательно, эти дела имели целью разрешение спора гражданского характера в смысле статьи 6 п. 1.

А. Принимаемый во внимание период

44. Конечная дата периода, который должен приниматься во внимание, разногласий не вызывала; это 30 ноября 1988 г. — дата, когда Кассационный суд отклонил жалобу заявителя на решение Парижского апелляционного суда от 21 октября 1987 г. (см. п. 26 выше).

45. Иначе обстоит дело с исходной датой данного периода.

По мнению Правительства, рассмотрение дела в административных судах не должно приниматься во внимание. Эти суды не могли вынести решения по существу, поскольку принцип разделения административной и судебной властей не позволяет этим судам принимать дела, рассмотрение которых ведет к вмешательству в деятельность общих судов. Адвокаты г-на Аллене де Рибемона не могли не знать об этом принципе.

Напротив, заявитель утверждает, что жалоба в Административный суд Парижа была отправной точкой процедуры и в свете конфликта компетенций, имевшего место в данном случае, обращение в общий суд явилось необходимым продолжением обращения в административный суд. Он добавляет, что в данном случае компетенция административной юрисдикции пред-

ставлялась такой естественной, что премьер-министр опротестовал в Парижском суде большой инстанции подсудность дела общим судам.

46. Как и Комиссия, Суд соглашается с доводами заявителя. Суд отмечает, что проблема разграничения административной и общей юрисдикций в делах о возмещении вреда представляется весьма сложной и щекотливой, тем более что высказывания исходили от члена Правительства. Следовательно, адвокатов г-на Аллене де Рибемона нельзя упрекать в том, что сперва они обратились в административный суд.

Таким образом, период, который должен приниматься во внимание при определении разумной длительности разбирательства, начался с 23 марта 1977 г., т. е. с момента подачи жалобы премьер-министру (см. п. 13 выше, а также см. решение по делу *Каракайя против Франции* от 26 августа 1994 г. Серия А, т. 289-В, с. 42, п. 29), и длился приблизительно одиннадцать лет и восемь месяцев.

В. Разумная длительность разбирательства

47. Разумность длительности разбирательства оценивается в зависимости от обстоятельств дела и с учетом критериев, установившихся в судебной практике Суда, в частности сложности дела, поведения заявителя, поведения компетентных органов (см. помимо прочего решение по делу *Катте Клитше де ла Гранж против Италии* от 27 октября 1994 г. Серия А, т. 293-В, с. 37—38, п. 51). По этому последнему пункту учитывается и важность предмета разбирательства для заявителя (см., в частности, решение по делу *Хокканен против Финляндии* от 23 сентября 1994 г. Серия А, т. 299-А, с. 25, п. 69).

1. Сложность дела

48. Комиссия, на мнение которой ссылается г-н Аллене де Рибемон, признает, что начатое им разбирательство представляет определенную сложность, поскольку оно связано с ответственностью государства.

49. По мнению Правительства, в связи с делом встает деликатная проблема доказательства ошибочности высказываний и понесенного вследствие этого ущерба. К этому прибавляются осложнения процессуального характера, которым способствовал заявитель.

50. С точки зрения Суда, даже если дело в силу вышеперечисленных причин и было сложным, то его сложность не может полностью оправдать длительность судебного разбирательства.

2. Поведение заявителя

51. Г-н Аллене де Рибемон утверждает, что затягивание разбирательства не может быть вменено ему в вину.

52. По мнению Правительства, заявитель, напротив, в течение почти шести лет затягивал разбирательство. Он ждал одиннадцать месяцев, прежде чем ответить на письменные возражения министра культуры и министра внутренних дел в административном суде; семь месяцев — после регистрации его апелляционной жалобы в Государственном совете, прежде чем представить дополнительные разъяснения по жалобе; девять месяцев — после отклонения его жалобы Государственным советом, прежде чем подать ис-

ковое заявление в общий суд; десять месяцев при неоднократных напоминаниях судьи понадобилось для представления материалов, необходимых для передачи в Апелляционный суд, что на три месяца задержало эту передачу.

Не обратившись в общий суд сразу по вынесении Административным судом Парижа решения о неподсудности ему данного дела, истец затянул разбирательство еще на два года и семь месяцев, т. е. на то время, которое понадобилось для подтверждения Государственным советом решения Административного суда Парижа.

53. Как и Комиссия, Суд констатирует, что поведение г-на Аллене де Рибемона в определенной степени задержало разбирательство дела.

Как уже указал Суд, в связи с тем, что трудно определить, какая система судов правомочна рассматривать данное дело, заявителя нельзя упрекать в том, что он обратился в первую очередь к административным судам (см. п. 46 выше). Это относится как к обращению в суд первой инстанции, так и к обращению в апелляционную инстанцию, являющемуся следствием первого обращения, поэтому срок в два года и семь месяцев между вынесением решений Административным судом (13 октября 1980 г.) и Государственным советом (27 мая 1983 г.) не может быть поставлен в упрек только г-ну Аллене де Рибемону.

Таким образом, если предположить, что заявитель может считаться ответственным за задержку в три года и четыре месяца, остается еще около восьми лет.

3. Поведение национальных властей

54. В том, что касается поведения национальных властей, г-н Аллене де Рибемон ссылается на заключение Комиссии. Однако он уточняет, что отказ властей в его просьбе предоставить ему аудиовидеозаписи, что позволило бы ему подтвердить свои утверждения, содействовал задержке в судебном процессе.

55. По мнению Правительства, компетентные власти делали все, чтобы ускорить разбирательство. В частности, в Парижском апелляционном суде советник, готовивший дело, много раз обращался к заявителю, чтобы получить от него объяснения или возражения, которые тот не спешил представить. Кроме того, единственные периоды бездействия, которые Комиссия ставит в упрек властям, — это разбирательство в административных судах, которое в данном случае не должно учитываться.

56. Как и Комиссия, Суд отмечает ряд периодов бездействия, ответственность за которые несут национальные власти. Первый период — в Административном суде Парижа — длился восемь месяцев, начиная с подачи г-ном Аллене де Рибемоном заявления (24 мая 1978 г.) и заканчивая передачей документации по делу министру культуры (23 января 1979 г.) (см. п. 14 выше). Второй период — в Государственном совете — занял девять месяцев и две недели, начиная с подачи заявителем дополнительного заявления (1 июля 1981 г.) и заканчивая ответом министра внутренних дел (13 апреля 1982 г.) (см. п. 16 выше). Кроме того, премьер-министр и судебный представитель Казначейства представили свои объяснения и возражения соответственно лишь через семь и шесть месяцев после их вызова в суд (см. п. 18 выше).

Кроме того, административные и судебные власти постоянно чинили препятствия в выдаче аудиовидеозаписи, которая позволила бы г-ну Аллене де Рибемону представить доказательство высказываний, сделанных на пресс-конференции: первые прибегли к таким отлагательным средствам, как передача дела министру культуры, вторые отказались востребовать запись, в то время как истец не мог получить ее собственными средствами. У Суда нет сомнений, что главная причина проволочек в разбирательстве кроется именно в этом.

Что касается конкретно позиции судебных органов, то Суд констатирует, что административным судьям потребовалось не менее пяти лет и восьми месяцев, чтобы объявить себя неправомочными заниматься данным делом и что несмотря на усилия советника, готовившего дело к незамедлительному разбирательству в Апелляционном суде, из документов по делу не вытекает, что хоть один судья в иных судебных инстанциях предпринял что-либо в этом направлении.

С. Вывод

57. Только сложностью дела и поведением заявителя объяснить затяжной характер судебной процедуры нельзя. Накопившиеся задержки главным образом объясняются позицией национальных властей, в частности, их отказом удовлетворить просьбу г-на Аллене де Рибемона предоставить ему существенное доказательство. Учитывая важность дела для заявителя и даже соглашаясь с тем, что длительность разбирательства в Апелляционном суде и в Кассационном суде не была чрезмерной в каждом из них, общая длительность разбирательства в одиннадцать лет и восемь месяцев не может считаться разумной. Следовательно, была нарушена статья 6 п. 1.

III. О применении статьи 50 Конвенции

58. В соответствии со статьей 50 Конвенции,

“Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне”.

А. Ущерб

59. Прежде всего г-н Аллене де Рибемон настаивает на возмещении материального ущерба. Обжалованные им высказывания должностных лиц имели следствием его неплатежеспособность и разорение; он не смог найти новую работу: его банк приостановил льготные условия кредитования, которые предоставлял ему ранее, и отказался оплачивать подписанные им чеки; 14 марта 1979 г. Суд большой инстанции Парижа расторг договор заявителя с г-ном де Брольи и обязал заявителя немедленно выплатить часть его долга с процентами на день смерти г-на Брольи, но значительная часть долга все еще не выплачена его наследникам; 7 февраля 1977 г., когда заявитель содержался под стражей по обвинению в соучастии в убийстве, в

судебном порядке была проведена ликвидация ресторана “Харчевня Королевы Гусиные лапки”.

Заявитель считает, что пострадало достоинство его и его близких, ему причинен моральный вред, причем значительный, ибо соответствующие высказывания исходили от высоких должностных лиц, а также в силу международной известности г-на Брольи. Порочащая заявителя ситуация длилась достаточно долго, несмотря на прекращение 21 марта 1980 г. дела против него за отсутствием состава преступления.

Г-н Аллене де Рибемон оценивает общую сумму нанесенного ему ущерба в 10 000 000 французских франков.

60. По мнению Правительства, заявитель не доказал прямой причинной связи между имевшим якобы место нарушением статьи 6 п. 2 и ухудшением его финансового положения. Что же касается морального вреда, то признание факта нарушения Конвенции само по себе явилось бы достаточным справедливым возмещением.

61. Представитель Комиссии считает малообоснованными те суммы, которые заявитель требует в возмещение материального ущерба, из-за отсутствия связи между высказываниями министра и высокопоставленных должностных лиц и понесенным ущербом. В то же время, по его мнению, тяжесть обвинений и постоянный отказ национальных властей передать заявителю аудиовидеозапись пресс-конференции повлекли моральный вред, требующий большего, чем чисто символическое возмещение. В оценке ущерба, связанного с чрезмерной длительностью разбирательства, представитель Комиссии полагается на Суд.

62. Суд не согласен с доводами г-на Аллене де Рибемона о материальном ущербе. Суд тем не менее считает, что серьезные обвинения, выдвигавшиеся против заявителя на пресс-конференции 29 декабря 1976 г., в значительной мере подорвали то доверие, которым он пользовался у своих деловых партнеров, и создали тем самым препятствие для осуществления его профессиональной деятельности. В связи с этим Суд считает требование о возмещении материального ущерба частично обоснованным.

Кроме того, как и представитель Комиссии, Суд считает, что заявитель, несомненно, потерпел моральный вред из-за нарушения статьи 6 п. 1 и в еще большей степени — из-за нарушения статьи 6 п. 2. Хотя личность г-на де Брольи, обстоятельства его смерти и волнения, которые она вызвала, несомненно, обосновывали стремление властей немедленно проинформировать общественность и одновременно позволяли предвидеть, какой широкий резонанс получат в средствах массовой информации заявления о ходе расследования. Недостаточная сдержанность и бестактность по отношению к заявителю, следовательно, были недопустимыми. Оспариваемые заявления имели значительный резонанс, причем не только во Франции, но и за ее пределами.

Учитывая все относящиеся к делу обстоятельства и вынося на основании статьи 50 решение по справедливости, Суд присуждает г-ну Аллене де Рибемону возмещение на общую сумму в 2 000 000 французских франков.

В. Гарантия

63. Заявитель предлагает Суду принять решение о предоставлении ему со стороны государства гарантии против любых требований исполнения ре-

шения Суда большой инстанции Парижа от 14 марта 1979 г. или зарезервировать за ним право просить в дальнейшем об увеличении справедливого возмещения.

64. Представитель Комиссии по этому пункту не высказывался.

65. Как и Правительство, Суд напоминает, что статья 50 не наделяет его полномочием издавать такие предписания в отношении государства-участника (см. *mutatis mutandis* решения по делу *Компания с ограниченной ответственностью "Идрокалче" против Италии* от 27 февраля 1992 г. Серия А, т. 229-Ф, с. 65, п. 26, и делу *Пелладоа против Нидерландов* от 22 сентября 1994 г. Серия А, т. 297-В, с. 35—36, п. 44). Кроме того, Суд считает, что в отношении справедливого возмещения сделано все необходимое.

С. Судебные издержки и расходы

66. Наконец, г-н Аллене де Рибемон требует 270 384,28 французского франка на покрытие издержек и расходов, которые он понес в органах Конвенции, из них 211 500 французских франков на оплату услуг адвокатов, 16 480 франков судебных издержек и 42 404,28 франка налога на добавленную стоимость (НДС).

67. В этом вопросе Правительство и представитель Комиссии полагаются на оценку Суда.

68. Вынося решение о справедливом возмещении, Суд присуждает заявителю возмещение в размере 100 000 французских франков плюс НДС.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

1. *Постановил* восемью голосами против одного, что нарушение статьи 6 п. 2 Конвенции имело место;

2. *Постановил* единогласно, что была нарушена статья 6 п. 1 Конвенции;

3. *Постановил* восемью голосами против одного, что государство-ответчик должно в трехмесячный срок выплатить заявителю 2 000 000 (два миллиона) французских франков в возмещение ущерба;

4. *Постановил* единогласно, что государство-ответчик должно в трехмесячный срок выплатить заявителю 100 000 (сто тысяч) французских франков плюс налог на добавленную стоимость на покрытие судебных издержек и расходов;

5. *Отклонил* единогласно остальные требования о справедливом возмещении.

Совершено на французском и английском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 10 февраля 1995 г.

Герберт Петцольд
Грефье

Рольф Риссдал
Председатель

В соответствии со статьей 51 п. 2 Конвенции и статьей 53 п. 2 Регламента Суда А к настоящему решению прилагается особое мнение судьи Мифсуда Бонничи.

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ МИФСУДА БОННИЧИ

1. Я согласен с мнением большинства, что нарушение статьи 6 п. 1 Конвенции имело место и что сумма в 100 000 французских франков плюс НДС должна быть выплачена заявителю в покрытие его судебных издержек и расходов.

2. В то же время я не согласен с утверждением о нарушении статьи 6 п. 2 Конвенции.

Действительно, в этом решении впервые утверждается, что когда речь идет о фундаментальном принципе: “каждый обвиняемый в уголовном преступлении считается невиновным, пока виновность его не будет доказана в установленном законом порядке”, “посягательство на этот принцип — презумпцию невиновности — может исходить не только от судьи или от суда, но также от любой другой публичной власти” (п. 36). Таков главный принцип, объявленный в решении.

3. В пункте 35 сказано: “Кроме того, Суд напоминает, что Конвенция должна толковаться так, чтобы гарантировать конкретные и реальные, а не иллюзорные и теоретические права”.

4. Мое несогласие связано с тем, что это расширительное толкование презумпции невиновности не сопровождается конкретными и реальными гарантиями. Действительно, если нарушение совершается национальными властями до процесса над обвиняемым, то не существует ни одного конкретного или реального способа исправить ситуацию сразу после нарушения. В данном случае Суд констатирует нарушение, имевшее место еще в 1976 г., и может на этом основании принять решение о финансовом возмещении ущерба. Но это, очевидно, не составляет конкретного или реального возмещения, которое могло бы с успехом иметь место до начала процесса при признании факта нарушения.

5. Чтобы проиллюстрировать сложность проблемы, я сошлюсь на мальтийское дело.

13 апреля 1972 г. на крыше одного дома взорвалась бомба, и Джузеппина Формоза, домохозяйка, жившая в доме, была разорвана на куски.

28 апреля 1972 г. префект полиции, он же директор полицейских служб, в сопровождении четырех своих полицейских проводил пресс-конференцию. На ней шла речь о проблеме преступности в целом, о состоянии полицейских сил и о других вопросах подобного рода, после чего префект добавил, что тот вид расследования, который проводился по делу о взрыве бомбы, оказался плодотворным, поскольку супруг погибшей Эммануэль Формоза признался в содеянном и на следующий день он будет заслушан следователем в качестве обвиняемого, а пока попросил защиты у полиции, опасаясь мести братьев своей жены.

6. Формоза обратился с жалобой в суд, ссылаясь, в частности, на нарушение основного права, гарантированного мальтийской Конституцией (ста-

тья 39 п. 5): “Любой обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным, пока виновность его не будет доказана или пока он не признает себя виновным”. Суд немедленно рассмотрел жалобу и 5 мая 1972 г. отклонил ее. Конституционный Суд 16 апреля 1973 г. оставил решение суда в силе (Dec. Kost 1964—1978, Gh. St. Ligi, p. 343). В дальнейшем Формоза предстал перед судом и 13 июля 1973 г. был признан виновным в убийстве своей жены.

7. Факты этого дела во многом аналогичны фактам настоящего дела. Разница заключается в том, что в мальтийском деле проблема была рассмотрена и разрешена до уголовного процесса, в то время как в данном случае Суд рассматривает его после того, как все было сказано и совершено.

8. Аргументы мальтийских судебных органов об отсутствии нарушения не являются убедительными. Судьи не рассматривали вопрос о том, действуют ли гарантии только в сфере правосудия или же распространяются также на действия других публичных властей. Но из дела ясно следует, что если допустить расширение принципа — как это утверждается в настоящем решении, — то у судебных органов нет реальных и конкретных средств исправить совершенное нарушение до начала уголовного процесса, даже если во внутреннем праве конституционный механизм предусматривает, что вопрос о нарушении может быть рассмотрен и разрешен до начала процесса, а не после.

9. Поскольку Суд поставил серьезный вопрос, способный существенно повлиять на уголовно-процессуальное право государств-участников, но при этом не разъясняет, какие конкретные и эффективные меры можно принять в случае нарушения, я не могу последовать за большинством.

ТОЛКОВАНИЕ РЕШЕНИЯ от 10 февраля 1995 г.

Судебное решение от 7 августа 1996 г.

Процедура

1. Европейская Комиссия по правам человека (Комиссия) на основании статьи 57 Регламента А внесла в Суд запрос о толковании судебного решения, вынесенного 10 февраля 1995 г. по делу *Аллене де Рибемон против Франции* (Серия А, т. 308). Запрос внесен 19 сентября 1995 г., в течение трехлетнего срока, предусмотренного статьей 57 п. 1; он подписан Председателем Комиссии г-ном Трекселем.

2. В соответствии с параграфом 4 вышеназванной статьи, запрос о толковании рассматривался Палатой, которая выносила подлежащее толкованию решение и которая заседала в том же составе.

3. 26 сентября 1995 г. секретарь известил о запросе Правительство и заявителя, предложив им представить в письменном виде их замечания к 12 января 1996 г. — сроку, установленному Председателем Палаты (статья 57 п. 3 Регламента Суда А).

12 января 1996 г. секретарь получил замечания от Правительства, а 16 января — от заявителя.

Суд решил не проводить слушаний по данному делу.

Запрос о толковании

4. 24 мая 1989 г. гражданин Франции г-н Патрик Аллене де Рибемон подал в Комиссию жалобу против Французской Республики на основании статьи 25.

5. Получив 21 января 1994 г. это дело от Комиссии, Суд вынес по нему решение 10 февраля 1995 г. Суд признал нарушение статьи 6 п. 2 Конвенции — презумпция невиновности, а также нарушение статьи 6 п. 1 — превышение разумного срока судебного рассмотрения дела.

6. В том же решении Суд разрешил также и вопрос о применении статьи 50 Конвенции.

Г-н Аллене де Рибемон требовал компенсировать ему материальный и моральный ущерб в размере 10 000 000 французских франков. Кроме того, он просил Суд постановить, что государство должно дать ему гарантии от исполнения решения Суда большой инстанции Парижа от 14 марта 1979 г. в случае предъявления требований, основанных на этом решении, или разрешить ему в дальнейшем просить об увеличении справедливой компенсации, если такие требования будут удовлетворены. Наконец, он требовал возмещения судебных издержек и расходов в размере 270 384,28 французского франка.

Ответы Суда по этим трем пунктам содержатся соответственно в п. 62, 65 и 68 решения от 10 февраля 1995 г.:

“62. Суд не согласен с доводами г-на Аллене де Рибемона о материальном ущербе. Суд тем не менее считает, что серьезные обвинения, выдвигавшиеся против заявителя на пресс-конференции 29 декабря 1976 г., в значительной мере подорвали то доверие, которым он пользовался у своих деловых партнеров, и создали тем самым препятствие для осуществления его профессиональной деятельности. В связи с этим Суд считает требование о возмещении материального ущерба частично обоснованным.

Кроме того, как и представитель Комиссии, Суд считает, что заявитель, несомненно, потерпел моральный ущерб из-за нарушения статьи 6 п. 1 и в еще большей степени — из-за нарушения статьи 6 п. 2. Хотя личность г-на де Брольи, обстоятельства его смерти и волнения, которые она вызвала, несомненно, обосновывали стремление властей немедленно проинформировать общественность и одновременно позволяли предвидеть, какой широкий резонанс получат в средствах массовой информации заявления о ходе расследования. Недостаточная сдержанность и бестактность по отношению к заявителю, следовательно, были недопустимыми. Оспариваемые заявления имели значительный резонанс, причем не только во Франции, но и за ее пределами.

Учитывая все относящиеся к делу обстоятельства и вынося на основании статьи 50 решение по справедливости, Суд присуждает г-ну Аллене де Рибемону возмещение на общую сумму в 2 000 000 французских франков”.

“65. Как и Правительство, Суд напоминает, что статья 50 не наделяет его полномочием издавать такие предписания в отношении государства-

участника (см. *mutatis mutandis* решения по делам *Компания с ограниченной ответственностью "Идрокалче" против Италии* от 27 февраля 1992 г. Серия А т. 229-Ф, с. 65, п. 26, и делу *Пелладоа против Нидерландов* от 22 сентября 1994 г. Серия А, т. 297-В, с. 35—36, п. 44). Кроме того, Суд считает, что в отношении справедливого возмещения сделано все необходимое”.

“68. Вынося решение о справедливом возмещении, Суд присуждает заявителю возмещение в размере 100 000 французских франков плюс НДС”.

7. Постановляющая часть решения от 10 февраля 1995 г. сформулирована следующим образом:

“ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

(...)

3. *Постановил* восемью голосами против одного, что государство-ответчик должно в трехмесячный срок выплатить заявителю 2 000 000 (2 миллиона) французских франков в возмещение ущерба;

4. *Постановил* единогласно, что государство-ответчик должно в трехмесячный срок выплатить заявителю 100 000 (сто тысяч) французских франков плюс налог на добавленную стоимость на покрытие судебных издержек и расходов;

5. *Отклонил* единогласно остальные требования о справедливом возмещении”.

8. В письме от 15 мая 1995 г. в Министерство внутренних дел адвокат г-на Аллене де Рибемона заявил, что Правительство не выплачивает последнему денег, причитающихся ему во исполнение решения Суда от 10 февраля 1995 г.

9. 18 мая 1995 г. министерство направило адвокату заявителя оригиналы двух правительственных поручений о выплате г-ну Аллене де Рибемону соответственно 2 000 000 французских франков и 118 000 французских франков (т. е. 100 000 французских франков плюс 18,6% НДС).

10. В июле—августе 1995 г. заявитель был извещен о том, что по просьбе семьи де Брольи и на основании судебного решения, вынесенного 4 марта 1979 г. Судом большой инстанции Парижа и вступившего в законную силу, на эти суммы 3 марта 1995 г. был наложен арест.

Судебный исполнитель получил в июле 1995 г. переводы на указанные суммы от Службы выплат Казначейства, один — на 2 000 000 французских франков, другой — на 118 600 французских франков, после чего он направил адвокату заявителя чек на вторую из этих сумм.

11. В письме от 20 июля 1995 г., в дополнение к которому прилагалось другое письмо — от 16 августа, г-н Аллене де Рибемон просил Председателя Комиссии обратиться в Суд с запросом о толковании постановления от 10 февраля 1995 г., чтобы:

“(...)

Определить, какую часть от общей суммы возмещения ущерба в размере 2 000 000 французских франков составляет возмещение морального ущерба, а какую — ущерба материального, поскольку ранее уточнялось, что присужденная сумма в 100 000 французских франков плюс НДС предназначалась для покрытия издержек и расходов по ведению процесса.

Определить далее ту часть возмещения, на которую может быть наложен арест и часть, на которую арест наложен быть не может.

Наконец, определить дату начала начисления штрафных процентов за просрочку выплаты Правительством Французской Республики(...)"

12. Комиссия, ссылаясь на статью 57 п. 2 Регламента А, в своем запросе о толковании ставит перед Судом следующие три вопроса:

«Во-первых: следует ли из статьи 50 Конвенции, предусматривающей справедливое возмещение потерпевшей стороне, что любые суммы, присужденные на ее основании, должны быть выплачены потерпевшей стороне непосредственно и на них не может налагаться арест, причем даже тогда, когда внутреннее законодательство Договаривающейся Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий своих действий, признанных противоречащими обязательствам по Конвенции?

Во-вторых: следует ли, если речь идет о суммах, на которые могут быть заявлены претензии в соответствии с законодательством Франции, проводить различие между частью суммы, выплачиваемой в возмещение материального ущерба, и частью суммы, выплачиваемой в возмещение ущерба морального?

В-третьих: если да, то какие суммы Суд был намерен присудить заявителю в качестве возмещения материального и морального ущерба соответственно?"

13. 19 октября 1995 г. Комитет министров Совета Европы принял следующую резолюцию (резолюция ПЧ (95) 247):

“Комитет министров (...),

(...)

Заявляет, ознакомившись с информацией, предоставленной Правительством Франции, что по данному делу он выполнил свои функции по статье 54 Конвенции, если только по постановлению Суда в ответ на запрос о толковании дело не будет пересматриваться.

ПРИЛОЖЕНИЕ К РЕЗОЛЮЦИИ ПЧ (95) 247

Информация, предоставленная Правительством Франции при рассмотрении дела Аллене де Рибемона Комитетом министров

(...)

По вопросу выплаты справедливого возмещения Правительство приводит следующие уточнения.

Стремясь обеспечить должное выполнение постановления Европейского Суда по правам человека от 10 февраля 1995 г., Правительство Франции начало необходимые процедуры для расчета с г-ном Аллене де Рибемоном в течение мая 1995 г.

Однако 6 марта 1995 г. кредиторы г-на Аллене де Рибемона — наследники г-на де Брольи — обратились в Службу выплат Казначейства Франции с просьбой наложить арест на эти суммы.

Судебного решения о наложении ареста в данном случае не требовалось, так как наследники г-на де Брольи имели исполнительный лист на основании судебного решения от 1979 г. В связи с этим 18 июля 1995 г. Служба выплат Казначейства заплатила кредиторам г-на Аллене де Рибемона.

мона, поскольку парижским судебным исполнителем было удостоверено, что вопрос о пересмотре этого решения не поднимался.

Следовательно, французское государство исполнило свои обязательства по решению Европейского Суда по правам человека и не должно вникать в те трудности, которые могут возникнуть в связи с этим между частными лицами”.

ВОПРОСЫ ПРАВА

14. В соответствии со статьей 57 Регламента Суда А:

“1. Любая из сторон и Комиссия могут просить о толковании решения Суда в течение трех лет со дня его вынесения.

2. В запросе необходимо конкретно указать пункт или пункты решения, по которым следует дать толкование (...) (...)”

15. Правительство заявляет о неприемлемости запроса о толковании: по его мнению, Суд ясно заявил в своем решении от 10 февраля 1995 г., что он не должен высказываться по поводу возможности или невозможности ареста сумм, являющихся предметом спора, поэтому здесь нет никаких “неясностей” или “двусмысленности”.

По утверждению Правительства, в компетенцию Суда не входит разрешение споров между получателем справедливого возмещения и его кредиторами. Но именно такова была цель запроса Комиссии, поскольку, как это было констатировано Комитетом министров 13 октября 1995 г., Правительство выполнило свои обязательства по статье 54 Конвенции.

Кроме того, из правоприменительной практики Суда следует, что Суд не может объявить не подлежащими аресту те суммы, которые он присуждает к выплате в соответствии со статьей 50.

Правительство дополнительно уточнило, что французское законодательство не знает принципа недопустимости ареста сумм, присуждаемых к выплате национальными судебными органами в возмещение материального или морального ущерба. Кроме того, в данном случае невозможно установить, какая сумма была присуждена Судом в возмещение материального, а какая — морального ущерба, поскольку в постановлении от 10 февраля 1995 г. такое разграничение не произведено.

16. Заявитель, который ранее обращался к Комиссии с просьбой направить в Суд запрос о толковании, утверждает, что этот запрос вполне приемлем.

Говоря о сути дела, он в качестве главного довода утверждает, что суммы, присужденные Судом к выплате на основании статьи 50, не зависят от внутреннего законодательства. Справедливое возмещение предназначено для того, чтобы компенсировать конкретный ущерб, вытекающий из нарушения Конвенции, являющейся международным договором, если на основании внутреннего законодательства государства этот ущерб полностью возмещен быть не может. Это возмещение ущерба также является определенной санкцией против данного государства. Наконец, контроль над исполнением решений Суда, констатирующих одно или несколько нарушений Конвенции, а при необходимости обязывающих государство выплатить определенные суммы, осуществляется по особым правилам: на основании статьи 54 Конвенции Комитету министров Совета Европы, а не администра-

тивным или судебным органам государства надлежит рассматривать те сложности, которые могут возникать при исполнении решения Суда. Возмещение настолько связано с получателем, что все суммы, выплачиваемые ему как пострадавшему от нарушения, не подлежат аресту независимо от норм национального права в этой области.

В порядке дополнительного аргумента заявитель отмечает, что, если бы Суд считал неподлежащими аресту только суммы в возмещение морального ущерба, он бы учел, что в решении от 10 февраля 1995 г. в возмещение морального ущерба назначена сумма значительно более высокая, чем в возмещение ущерба материального.

Кроме того, г-н Аллене де Рибемон требует 50 000 французских франков в возмещение судебных издержек и расходов по настоящему запросу о толковании.

17. Суд отмечает, что запрос о толковании он “рассматривает на основании своих имплицитных полномочий: он призван разъяснить смысл и значение, которые он намеревается придать своему предыдущему решению, уточнив при необходимости, что из этого решения имеет обязательную силу” (решение по делу Рингейзена от 23 июня 1973 г. Серия А, т. 16, с. 8, п. 13).

18. В своем первом вопросе Комиссия осведомляется у Суда, следует ли понимать, что “статья 50 Конвенции (...) подразумевает, что всякая сумма, выплаченная в этом качестве, должна быть выплачена адресату лично и не подлежит аресту”.

19. Суд рассматривает этот вопрос как просьбу дать общее абстрактное толкование статьи 50, что выходит за общие рамки не только статьи 57 Регламента Суда А, но и за рамки компетенции Суда (см. *mutatis mutandis* вышеупомянутое решение по делу Рингейзена, с. 8, п. 13, а также решение по делу Лоулесса от 14 ноября 1960 г. Серия А, т. 1, с. 11).

Впрочем, в данном деле Суд не выносил решения о том, что любые выплачиваемые заявителю суммы не подлежат аресту, хотя он просил Суд принять решение о том, что государство должно гарантировать ему, что любое требование исполнения решения Суда большой инстанции Парижа от 14 марта 1979 г. (п. 63 решения от 10 февраля 1995 г.) останется без последствий. Суд на это ответил, что “статья 50 не наделяет его полномочием издавать такие предписания в отношении государства-участника” (п. 65 решения). Следовательно, вопрос был передан на усмотрение национальных органов, действующих на основании соответствующего внутреннего законодательства.

20. Второй и третий вопросы Комиссии сформулированы следующим образом:

“Следует ли, если речь идет о суммах, на которые могут быть заявлены претензии в соответствии с законодательством Франции, проводить различие между частью суммы, выплачиваемой в возмещение материального ущерба, и частью суммы, выплачиваемой в возмещение ущерба морального?”

“Если да, то какие суммы Суд был намерен присудить заявителю в возмещение материального и морального ущерба соответственно?”

21. В своем решении от 10 февраля 1995 г. Суд присудил заявителю возмещение в 2 000 000 французских франков, не проводя различия между материальным и моральным ущербом.

Аргументируя это решение, Суд счел “требование о возмещении материального ущерба частично обоснованным” и отметил, “что заявитель, не-

сомненно, потерпел моральный ущерб” (п. 62 решения, п. 6—7 настоящего документа). С учетом “всех относящихся к делу обстоятельств”, “вынося решение по справедливости”, Суд присудил заявителю “возмещение на общую сумму в 2 000 000 французских франков” (там же).

22. Из этого следует, что в отношении этой суммы Суд не счел нужным устанавливать различие между тем, какая часть относится к материальному, а какая к моральному ущербу. К тому же Суд не обязан делать это при назначении “справедливого возмещения” в соответствии со статьей 50 Конвенции. На практике провести такое разграничение часто бывает трудно, а порой и невозможно, как это видно по ряду предыдущих дел, где Суд также указал общую сумму (см. также решения по делам Билли от 26 февраля 1993 г. Серия А т. 257-Г, с. 90, п. 25; Барбера, Мессеге и Ябардо от 13 июня 1994 г. Серия А, т. 285-С, с. 58, п. 20, и Лопез Остра от 9 декабря 1994 г. Серия А, т. 303-С, с. 57—58, п. 62—65).

23. На вопросы, по которым запрошено толкование, решение Суда от 10 февраля 1995 г. дает совершенно определенный ответ. Иное толкование привело бы не к прояснению “смысла и значимости” данного решения, а скорее к изменению его, причем по вопросу, по которому Суд принял “решение, имеющее обязательную силу” (см. вышеупомянутое решение по делу Рингейзена, с. 8, п. 13).

Следовательно, в соответствии со статьей 57 Регламента Суда А оснований для толкования нет.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

1. *Постановил* восемью голосами против одного, что он не правомочен отвечать на первый вопрос, поставленный Комиссией и, следовательно, отклоняет запрос о толковании по этому пункту;

2. *Постановил* единогласно, что нет необходимости отвечать на второй и третий вопросы, заданные Комиссией, и, следовательно, отклоняет запрос о толковании по этим пунктам.

Совершено на французском и английском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 7 августа 1996 г.

Герберт Петцольд
Грефье

Рольф Риссдал
Председатель

В соответствии со статьей 51 п. 2 Конвенции и статьей 53 п. 2 Регламента Суда А к настоящему решению прилагаются отдельные мнения судей.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ПЕТТИТИ

Я голосовал вместе с большинством, имея в виду, в частности, что Суду надлежало отвечать на вопросы в таком виде, в каком они были поставлены Комиссией. Речь шла не о запросе о толковании общего и

абстрактного характера, который может исходить от Комитета министров в соответствии с Протоколом № 2 к Конвенции и мог бы касаться специфики возмещения морального ущерба на основании статьи 50 Конвенции.

Суд отклонил аргументы Правительства о том, что Суд не правомочен отвечать на поставленный ему вопрос, а также аргумент о том, что Суд не вправе высказываться по вопросу о том, возможен или невозможен арест.

Суд справедливо отмечает, что при рассмотрении запроса о толковании он вправе пользоваться имплицитными полномочиями, а при необходимости — разъяснять свое решение с точки зрения статьи 50 Конвенции.

Жалобы заявителя, связанные с процессуальной стороной исполнительных мер в той форме, в которой они осуществляются во Франции, все еще находятся в ведении внутренних судебных органов государства.

Следовательно, хотя Суд и отклонил сформулированные Комиссией вопросы, он рассматривал их исключительно как вопросы, задаваемые Комиссией на основании статьи 57 Регламента Суда А.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ДЕ МЕЙЕРА

1. По моему мнению, нам следовало бы дать положительный ответ на первый вопрос, поставленный Комиссией.

Конечно, этот вопрос может быть понят “как предложение дать общее и абстрактное толкование статьи 50”ⁱ. Но это лишь кажется. На самом деле Комиссия просила нас ответить ей *in concreto* и в связи с конкретным делом г-на Аллене де Рибемона, должно ли “справедливое возмещение”, по решению от 10 февраля 1995 г., “выплачиваться [ему] лично и не подлежать аресту”.

В любом случае не следует забывать, что, во-первых, вопросы “толкования и применения”ⁱⁱ статьи 50 Конвенции относятся к компетенции Суда в той же степени, что и вопросы, связанные с другими ее статьями, а во-вторых, что очень часто в констатирующей части наших решений мы употребляем формулировки, говорящие об “общем и абстрактном” смысле, придаваемом статьям, прежде чем применять их к конкретным случаям.

Следует особо напомнить, что в своем решении от 10 февраля Суд объявил себя неправомочным дать французскому государству предписание “гарантировать” заявителю, что “никакие требования по исполнению решения, вынесенного Судом большой инстанции Парижа 14 марта 1979 г., исполняться не будут”. Это совсем не означает, что Суд тем самым решает проблему, поставленную Комиссией в ее первом вопросе, в плане передачи дела на усмотрение “национальных органов, действующих в соответствии с национальным законодательством”ⁱⁱⁱ.

Подобное решение никак не соответствует духу Конвенции.

С одной стороны, трудно согласиться с тем, что решение о “справедливом возмещении” заявителю на основании статьи 50 может исполнять-

ⁱ Пункт 19 настоящего решения, первый абзац.

ⁱⁱ Статья 45 Конвенции.

ⁱⁱⁱ Пункт 19 настоящего решения, абзац второй.

ся по-разному в зависимости от различий в национальных законодательствах.

С другой стороны, столь же неприемлема ситуация, когда право на возмещение ущерба, являющегося санкцией за нарушение признаваемых Конвенцией основных прав, сводится на нет обычным обязательственным требованием, основанным на внутреннем законодательстве. Это особенно нетерпимо в данном случае, когда предъявленное заявителю его долговое обязательство связано, по крайней мере частично, с нарушением его прав^{iv}.

Следовательно, мы должны были заявить, как это уже делали наши предшественники, отвечая на аналогичный запрос в связи с делом Рингейзена, что возмещение должно выплачиваться заявителю "лично и не подлежать конфискации"^v.

2. Что касается двух других вопросов, поставленных Комиссией, я разделяю мнение остальных членов Палаты.

^{iv} См. решение от 10 февраля 1995 г. Серия А, т. 308, с. 22, п. 59, а также п. 10 настоящего решения.

^v См. решение по делу Рингейзена от 23 июня 1973 г. Серия А, т. 16, с. 19, второй пункт постановляющей части, с. 6, п. 8 и с. 9, п. 15.